

МИФ О СИБИРИ «ГИПЕРБОРЕЙСКОЙ» И ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ-СИБИРЯКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XIX в.

Н.В. Проданик

*Омский государственный педагогический университет, Омск,
omsk.nadezhda@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются генезис и филиация мифа о Сибири «гиперборейской» в русской словесности начала XIX в., а именно в творчестве Владимира Федосеевича Раевского и в дружеской переписке Гавриила Степановича Батенькова. Истоки мифа о Гиперборее находятся в античной мифологии и литературе – в лирике Пиндара и Вергилия: поэты воссоздают две несходные мифоверсии о блаженной, счастливой, летней гиперборейской земле (Пиндар) и суровой, жестокой, зимней Гиперборее (Вергилий). В начале XIX в. антологическая образность наследуется русскими поэтами – В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, для них счастьем, светом, аполлоническими восторгами наполнена жизнь в северной родине поэта – России.

В творческом сознании будущих декабристов происходит контаминация древнегреческой и древнеримской версий гиперборейского мифа: отличительными чертами сибирского пространства видятся домашний покой; счастливая удаленность Сибири от мировых и столичных политических сражений; здоровый и одновременно суровый климат. Сибиряку-гиперборейцу оказываются знакомы аполлонические наслаждения – творчество и чтение. При этом круг его чтения достаточно широк: здесь мы найдем тексты самой разной тематики и языковой принадлежности – от художественной литературы до научной, философской и религиозной; от текстов на родном языке до изданий на французском, английском и немецком.

Декабрьское восстание прервало формирование сибирской мифопоэтической идиллии, генетически восходящей к античной мифологии и русской лирике Золотого века: после 1825 г. для философов, ученых и поэтов Сибирь предстала местом ссылки и каторги, чтение – порой единственным интеллектуальным наслаждением, а книга – самым верным другом.

Ключевые слова: античная мифология, античная литература, русская поэзия Золотого века, русская культура начала XIX в., миф о Сибири «гиперборейской», творчество В.Ф. Раевского, переписка Г.С. Батенькова

Проданик Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии ОГПУ.

Введение

В сознании наших современников закрепилось стереотипное представление, что художественная топология Сибири наделена лишь негативными чертами. Подтверждая свое мнение, читатели чаще всего апеллируют к творчеству А.С. Пушкина (имея в виду его послание декабристам «Во глубине сибирских руд...», 1827 г.), к произведениям Л.Н. Толстого (роман «Воскресение», 1889–1899 гг.) и Ф.М. Достоевского (повесть «Записки из Мертвого дома», 1860–1861 гг., роман «Преступление и наказание», 1865–1866 гг.). Сибирь в этих текстах показана местом испытания, тяжелого нравственного перерождения, Голгофы, предшествующей духовному воскресению, или даже дантовым адом. В целом, как настаивал В.И. Тюпа, говоря о негативной семантике сибирского топоса, «... сибирский интертекст русской литературы концентрируется вокруг мифологемы инициации (лиминального посещения страны мертвых)»¹, эти «минус»-смыслы аккумулярованы во многих литературоведческих исследованиях². Истоки подобного восприятия Сибири скрыты в причинах культурно-исторических (долгое время этот топос был местом ссылки и каторги), причем оформился ссыльнокаторжный сюжет и стал устойчивым в отечественной литературе и «устной мифологии русской культуры» задолго до декабрьской трагедии 1825 г.³ И все же бесспорным данное утверждение не назовешь, поскольку в русской лирике в пору ее Золотого века, кроме мрачных сюжетов, рождался светлый и жизнерадостный миф о Сибири – «земле гиперборейской».

Истоки гиперборейской образности в русской литературе восходят к двум античным мифоверсиям о северной стране Гиперборее. Согласно древнегреческому мифу, она находится за пределами Борея, это плодороднейшая страна, ее жители – слуги Аполлона. Они проводят всю жизнь в пирах, играх, сочинении стихов и песен, и даже смерть приходит к ним как избавление от пресыщения жизнью⁴. В десятой Пифийской оде Пиндара «Персей Гиперборейский» жизнь отважного народа представлена как нескончаемый дружеский симпозион, неизменно участниками этого «хорового» веселья являются Аполлон и Музы. В стране гипербореев нет обид и раздоров, их дни преисполнены душевного покоя и счастья, потому здесь не властна карающая Немезида: *«Ни вплавь, ни впешь / Никто не вымерил дивного пути / К сходу гипербореев – / Лишь Персей ... Переступил порог их пиров. / Там дьячимся весельем и хвалебным словам / Радуетя Аполлон... / Не чуждается их нрава и Муза: / Хоры дев, звуки лир, свисты флейт / Мчатся повсюду, / Золотыми лаврами сплетены их волосы, / И благодушен их пир. / Ни болезни, ни губящая старость / Не вмешиваются в святой их род. / Без мук, без битв / Живут они, избежавшие / Давящей правды Немезиды...»* [курсив здесь и далее наш – Н.П.]⁵. Важно, что гиперборейская судьба – это «полнота жизни как в смысле хтонических стихий, просветленных аполлоновским воздействием» (здесь благоприятный климат, плодородная почва, повышенный срок человеческой жизни), «так и в смысле художественного творчества, столь характерного

¹ Тюпа 2009, 265

² Сошлемся на некоторые: Алексеев 1984, 421–444; Карлова 1974, 135–147; Штерн 2005, 78–91.

³ Лотман 1988, 173.

⁴ Мифы народов мира 1997, 304.

⁵ Пиндар. Вакхилид 1980, 108–110.

для Аполлона» (гиперборейцы заняты сочинением музыки и песен, созданием гимнов во славу Аполлона, они – поэты, музыканты и певцы)⁶.

Напротив, в изложении римлянина Вергилия образ гиперборейцев полон мрачных красок: это племя людей стойких, но безжалостных, рожденных суровым северным климатом. О гиперборейской земле Вергилий пишет: «... Там постоянно зима... / Смурюю мглу там солнце рассеять не в силах... / Сами ж в землянках своих спокойно досуги проводят / Там, в глубине; натаскают полен дубовых и цельных / Вязов к своим очагам и жгут их в пламени дымном. / В играх зимнюю ночь проводят, вину подражая / Брагою или пьем из перебродившей рябины. / Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской / Злобные...» (Вергилий. «Георгики»)⁷.

Вергилий называет «гиперборейскими» все северные земли, в процитированном выше отрывке говорится о бесстрашных скифах, бесчинно пирующих долгими зимними ночами. Эти люди, как свидетельствует римский поэт, не боятся северной стужи, превращающей одежду в лед прямо на теле человека, не опасаются встречи с диким зверем и не догадываются об аполлонических наслаждениях – пении и танцах.

Как очевидно, перед нами две полярные мифоверсии: греческий гиперборейский топос пронзительно светел, полон тепла, аполлонически ясен, а мир гипербореев Вергилия – мрачен и суров.

Русской лирике Золотого века оказалась близка светлая, древнегреческая версия мифа, она помогала «оправдывать» неэстетичность, неэкзотичность России как северной страны и служила мифоимпульсом для художественного конструирования российского, а затем и сибирского топосов. Заметим, что русская лирика конца XVIII – начала XIX в. начинается как весенне-летняя (вспомним дружеские послания К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, где как эхо из текста в текст повторяется комплекс мотивов о жизни-отдыхе и жизни-празднике юноши-поэта на лоне цветущей природы). Действительно, чувство родной природы у русских поэтов начала XIX в. формировалось вместе с чувством причастности европейской культуре и литературе, а потому их зрение закономерно смещалось к истокам европейской литературной традиции – к миру Древней Греции и Древнего Рима, и в русском пейзаже акцентировались античные (летние, идиллические) черты.

Бросив беглый взгляд на северную природу, поэты находили возможность антиклизировать и ее: так, В.А. Жуковский вспомнил и воспроизвел в своем стихотворении «Послание к Плещееву» греческий образ «гиперборейской» зимы. Поэт стремился не только «реабилитировать» Север перед лицом роскошного Юга, но и показать самобытную ценность первого. Мир южный, который всегда был привлекателен для поэта-романтика, по мысли Жуковского, – лишь «приманка»: в своей знойной тишине он таит угрозу и гибель (вспомним, призывает поэт, судьбу Геркулана, римского города, который погиб от извержения вулкана): «*Мой друг, взгляни на жребий Геркулана / И не ропщи, что ты гиперборей...*» (В.А. Жуковский. «Послание к Плещееву», 1812 г.)⁸.

⁶ Лосев 1957, 407.

⁷ Вергилий 1994, 99–100.

⁸ Жуковский 1980, 160.

Бесспорно, северный мир (а «северной» стороной Жуковский называет имение А.А. Плещеева в Орловской губернии) не столь роскошен, как итальянский или испанский; в зимнюю пору жизнь скована мертвой тишиной и морозом: «*Ты сетуешь на наш климат печальный! / И я с тобой готов его винить! / Шесть месяцев в одежде погребальной / Зима у нас привыкнула гостить...*» (В.А. Жуковский. «Послание к Плещееву», 1812 г.)⁹.

И все же никто не властен сковать творческую фантазию: благодаря поэтической мечте (своеобразной аполлонической интенции), снежное и метельное пространство можно преобразить в весеннее (как пишет Жуковский: «*Кто запретит в медвежьих сапогах... / По холодку на лыжах, на коньках / Идти с певцом в пленительных мечтах / На снежный холм, чтоб зимнюю натуру / В ее красе весенней созерцать...*»). К тому же сама зима не вечна, она есть отдых природы, но спасительный дух жизни пролетит¹⁰ и пробудит весенние витальные силы. В послании к другу у Жуковского рождается образ гиперборейца-читателя и поэта: силой своего аполлонического вдохновения он «согревает» и преобразует зимний мир, мечтая о весне; а прелести зимы открывает вместе с текстами Г. фон Клейста и Дж. Томсона (кстати, поэма Томсона «Зима» – первая из его цикла «Времена года» (1726–1730 гг.)): «*Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы, / Соединят вокруг нас ее красы!*»¹¹. Таким образом, в русской классической литературе на заре XIX в. рождался миф о счастливой (поэтически насыщенной) жизни читателя и поэта-гиперборейца.

Гиперборея – условный топос, и поскольку Россия – северная страна, то все ее пространство – «гиперборейское». Однако русских поэтов интересовала и более конкретная «география» мифа. В малоизвестном стихотворении В.Ф. Раевского «Послание Г.С. Батенькову» «гиперборейская» земля получает еще одно географическое определение: земля эта находится там, «*где Лена, Обь волной / В гранитные берега плескают*»¹², иначе говоря, это – сибирский край. Раевский акцентирует: природа Сибири скудная, зимой здесь едва теплится жизнь, зато это пространство свободы мысли, здесь человек хранит семейный покой, сюда удаляются от битв и странствий. Именно так и сделал Г.С. Батеньков по окончании войны 1812 г., он поселился в своем родовом сибирском имении: «*Простясь с неласковой судьбою, / С печальным опытом, с мечтою, / Ты удалился на покой / Туда, где Лена, Обь волной / В гранитные берега плескают / И по седым во мгле лесам / К Гиперборейским берегам, / Во льдах волнуясь, протекают...*» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹³.

В черновом варианте послания был дан невыразительный вариант художественной топологии Сибири; последние три строфы, из приведенных выше, звучали: «*И меж неизвестных лесов / До моря ледяных берегов, / Волнуясь, быстро пробегают...*»¹⁴. Поиск нужного слова, выбор определения «гиперборейский» демонстрируют, что Раевский был знаком с литературной традицией, восходящей к

⁹ Жуковский 1980, 158.

¹⁰ Жуковский 1980, 159–160.

¹¹ Жуковский 1980, 158.

¹² Раевский 1952, 104.

¹³ Раевский 1952, 104–105.

¹⁴ Раевский 1967, 191.

античной мифологии, и он осознанно намекал на этот литературно-культурный континуум смысла.

Для понимания послания необходимо обратиться к биографическому контексту и уточнить: текст адресован Гавриилу Степановичу Батенькову (другой вариант написания фамилии – Батенков), который родился в 1793 г. в Тобольске. Батеньков – бесстрашный русский офицер, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, поэт, единственный декабрист-сибиряк.

Примечательно, что Сибирь у будущего декабриста Владимира Раевского предстает покойной и потому счастливой антиномией пространству столичных политических битв. Несмотря на суровый климат, именно Сибирь – это идиллический топос русской жизни; русский гипербореец, по мысли Раевского, знает цену аполлоническим наслаждениям – чтению, философствованию. Сибирская природа хотя и не названа роскошной или полноцветной, но это пространство интеллектуальной свободы: «Где все в немых пустынях спит, / Где чуть приметен блеск природы, / Но где живут сыны свободы, / Где луч учения горит!..» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹⁵.

Важно, что, по мысли Раевского, именно в Сибири человек погружается в семейный покой, обретает надежную пристань. Удаленная от эпицентров исторических событий (и в этом видится ее истинная прелесть), Сибирь полна мирной тишины: «Туда кровавою рукой / Войну, убийства и пожары / Не понесет никто с собой!..»¹⁶. Отстраненность от кипучей мировой политической и культурной жизни не означает интеллектуальной отсталости: книжная полка сибиряка довольно богата: «... В беседе там красноречивой / С тобой великий Архимед, / Декарт и Кант трудолюбивый / И Гершель с циркулом планет!» (В. Раевский. «Послание Г.С. Батенькову», 1818 г.)¹⁷.

В библиотеке Батенькова есть сочинения Архимеда, маркирующие его интерес к математике, физике, механике, к строительству и введению в жизнь инженерных проектов. В 1817 г. Гавриил Степанович приехал в Томск, где руководил работами по благоустройству улиц и строительству моста (в то время в Томске шла укладка гравийных дорог вместо полусгнивших деревянных мостовых, возводился мост через реку Ушайку). Кстати, сам Батеньков планировал соорудить металлический мост (по примеру петербургских), но в итоге остановился на деревянном; возведенный под его руководством, мост прослужил томичам более 100 лет.

Наш герой не чужд европейскому просвещению: в библиотеке Гавриила Степановича достойное место заняли философы Декарт и Кант. Поэты пушкинского круга называли подобного рода философию *скучной*¹⁸, но будущие декабристы и свободолюбивые студенты с вниманием относились к немецкой философии (вспомним о «поклоннике Канта» – Владимире Ленском из пушкинского романа)¹⁹. Труды Гершеля-астронома на книжной полке свидетельствует о «космичности» планов Батенькова: он считал, что для разгадывания тайн Земли нужны сведения о космосе.

¹⁵ Раевский 1952, 104–105.

¹⁶ Раевский 1952, 105.

¹⁷ Раевский 1952, 105.

¹⁸ Пушкин 1974, 308.

¹⁹ Пушкин 1975, 33.

Сибирь, по мысли Раевского, – гостеприимный край (действительно, Батеньков не раз приглашал друга в гости); впрочем, автор горько сетовал на несбыточную мечту – приобщиться к сибирскому покою: «*Почто ж зовешь меня, мой друг, / Делить все радости с тобою? / Могу ль покоем обладать?...*»²⁰. Мечтательной интонацией полны и строки о том, что суровому краю не ведомы пороки мира европейского: здесь ... *все в гармонии с душою, / И чужд клевет и злобы слух...*»²¹. Мирная, гостеприимная и дорогая сердцу Сибирь в тексте Раевского – это воплощенный рай для деятельного и свободомыслящего читателя-гражданина.

Наверняка в дружеской переписке Батенькова и Раевского неоднократно заходила речь о чтении, о книгах, но накануне ареста Гавриил Степанович уничтожил эти письма. Сохранились лишь письма Батенькова, датированные 1816–1819 гг. и обращенные к близкому другу – А.А. Елагину, участнику заграничных походов 1813–1815 гг., поклоннику немецкой идеалистической философии. Как мы уже упоминали, Гавриил Степанович был единственным декабристом-сибиряком, его возвращение в родное имение в 1817 г. оказалось вызвано и стремлением помочь матери, и желанием служения Родине (известно, что Батеньков принимал деятельное участие в снабжении Томска питьевой водой – создании резервуара чистой воды для горожан). Как писал он сам, легко переходя от прозы к поэзии, в сибирских просторах природных холодов сдается перед теплом дружеского участия: «*В стране Борея, вечно льдистой, / Где нет движенья веществ, / ... Где солнце полгода сияет; / Но, косо падая на льдах, / Луч яркой в радужных цветах / Скользит – и тотчас замерзает... / Я буду жить в пустыне той, / Огонь дружбы греет меня там станет...*»²² (с. 97).

Конечно, Батеньков замечал в своем внутреннем мире черты *жителя угрюмой Сибири*²³, но ему, как истинному гиперборейцу (в греческой мифологии), были знакомы и аполлонические восторги, в одном из писем Елагину Гавриил Степанович восклицал: «... *Третьего дня девушки с удовольствием слушали, как я читал им Людмилу и Громобоя, они похвалили мое искусство, и я, пришед домой, прыгал от радости до тех пор, пока проклятые раны в моей левой ноге не дожили мне, что опоздал уже резвиться... Бываю иногда и стихотворцем. Недавно семидесятилетний старик взбесил меня своим слишком механическим поцелуем прекрасной ручки...*»²⁴. И взбешенный Батеньков тут же написал «*весьма порядочный экспромт*»²⁵.

Читал Гавриил Степанович действительно очень много. Его библиотека не ограничивалась одними художественными текстами (заметим, что романтические баллады Жуковского, о которых выше идет речь, написаны в 1808 («Людмила») и в 1810 («Громобой»), и уже в 1817 г. они читаются Батеньковым для сибирских провинциальных дев). На его книжной полке стояли сочинения Ломоносова, Державина, Хераскова, Карамзина. Батеньков в Томске и Тобольске читал труды по механике, физике, астрономии, философии, этнографии, гидравлике, по грамма-

²⁰ Раевский 1952, 104.

²¹ Раевский 1952, 104.

²² Батеньков 1989, 97.

²³ Батеньков 1989, 113.

²⁴ Батеньков 1989, 113.

²⁵ Батеньков 1989, 113.

тике иностранных языков (английскому, немецкому и французскому); как свидетельствует описание его библиотеки, интересы этого читателя-сибиряка чрезвычайно разносторонни²⁶.

Итак, в отечественной литературе начала XIX в. родился миф о Сибири «гиперборейской», его генезис восходил к древнегреческому мифосюжету о счастливой жизни юношей – слуг Аполлона, не знающих о вражде и страданиях, проводящих жизнь в радости и творческих наслаждениях – пении и танцах. В дружеско-поэтическом общении В.Ф. Раевского и Г.С. Батенькова 1817–1819 гг. Сибирь тоже оказалась наделена «гиперборейскими» чертами: акцентирована блаженная удаленность от политических сражений, домашний покой, гостеприимство, дружеское участие. Известны сибирякам и аполлонические восторги: творчество и чтение.

В заключение отметим, что судьба сыграла с Владимиром Раевским и Гавриилом Батеньковым злую шутку: Владимир Федосеевич не захотел приехать в Сибирь в качестве гостя, но побывать в этих местах ему все-таки пришлось; Отчизна обошлась с ним неласково. Раевский несколько лет еще до декабрьского восстания провел под арестом, а 25 октября 1827 г. по приговору следственной комиссии был лишен чинов, дворянства и сослан в Сибирь на поселение, вернулся из ссылки лишь в 1856 г. Напротив, Батеньков годы своего заключения после декабрьского восстания провел в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости. И даже после девятнадцатилетнего заключения вернулся в родные сибирские места в качестве ссыльного.

Чтение для сосланных декабристов стало избавлением от одиночества, Александр Бестужев признавался в письмах, что много читает или, как говорил он сам, часто *беседует с более неизменными друзьями – книгами*²⁷. Круг чтения ссыльных поражает: так, у Сергея Кривцова были издания по истории, политике, философии, географии, праву; было много художественных текстов: среди авторов встречались имена античных философов, а также имена писателей и поэтов – современников декабриста (Карамзина, Батюшкова, Пушкина). Характеризуя этот безмерный книжный спектр, брат Кривцова писал: «... *Все завоевания века ему знакомы и близки, и, вернувшись в общество, он будет на одном уровне со всеми, а по существу будет и выше общего уровня, благодаря размышлениям, которые питали в нем разнообразные перипетии его жизни...*»²⁸.

В преддверии 1825 г. мифу о счастливой «гиперборейской» Сибири не суждено было осуществиться, однако его литературные «осколки» позволяют увидеть в сибирском пространстве позитивные интенции, свидетельствующие о богатой семантической «окраске» сибирского интертекста, и не последнюю роль в этой светлой черте сибирской топологии сыграли книги. Благодаря книгам-друзьям Сибирь оказалась своеобразным «читальным залом» для вдумчивого просвещенного человека.

²⁶ Канунова 2006, 77–80.

²⁷ Дунаева 1967, 48.

²⁸ Цит. по: Дунаева 1967, 49.

- Алексеев, М.П. 1984: *Пушкин: Сравнительно-исторические исследования*. Л.
- Батеньков, Г.С. 1989: *Сочинения и письма*. Т.1. *Письма*. Иркутск.
- Вергилий 1994: *Собр. соч.* СПб.
- Дунаева, Е.Н. 1967: *Декабристы и книги*. М.
- Жуковский, В.А. 1980: *Сочинения*: в 3 т. Т. 1. М.
- Канунова, Ф.З. 2006: Библиотека Г.С. Батенькова в Томске. *Вестник Томского государственного университета* 291, 77–80.
- Карлова, Т.С. 1974: О структурном значении образа «мертвого дома». В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 1. Л., 135–147.
- Лосев, А.Ф. 1957: *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.
- Лотман, Ю.М. 1988: Декабрист в повседневной жизни. В кн.: Ю.М. Лотман (ред.), *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*: Кн. для учителя. М., 158–205.
- Мифы народов мира: Энциклопедия* 1997: в 2. т. Т. 1. М.
- Пиндар. Вакхилид 1980: *Оды. Фрагменты*. М.
- Пушкин, А.С. 1974: К студентам. В кн.: *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 1. М., 308–310.
- Пушкин, А.С. 1975: Евгений Онегин. В кн.: *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 4. М., 7–182.
- Раевский, В.Ф. 1952: Послание Г.С. Батенькову. В кн.: В.Ф. Раевский (ред.), *Стихотворения*. Л., 104–105.
- Раевский, В.Ф. 1967: Первая редакция. Послание Батенькову. В кн.: В.Ф. Раевский (ред.), *Полное собрание стихотворений*. М.–Л., 191–192.
- Тюпа, В.И. 2009: Сибирский интертекст русской литературы. В кн.: В.И. Тюпа (ред.), *Анализ художественного текста*. М., 254–263.
- Штерн, М.С. 2005: Текст провинциального города в творчестве Ф.М. Достоевского. В кн.: М.С.Штерн, Т.И. Подкорытова (ред.), *Культурологические аспекты анализа литературного произведения: учебно-методическое пособие*. Омск, 78–91.

REFERENCES

- Alekseev, M.P. 1984: *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: Comparative-historical Literary Criticism]. Leningrad.
- Baten'kov, G.S. 1989: *Sochineniya i pis'ma*. [Essays and Letters]. T.1. *Pis'ma*. [Letters]. Irkutsk.
- Dunaeva, E.N. 1967: *Dekabristy i knigi* [Decembrists and Books]. Moscow.
- Kanunova, F.Z. 2006: Biblioteka G.S. Baten'kova v Tomske. [Batenkov's Library in Tomsk]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University] 291, 77–80.
- Karlova, T.S. 1974: O strukturnom znachenii obraza «mertvogo doma» [On the Structural Meaning of the Image of the “Dead House”]. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Т. 1. Leningrad, 135–147.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya v eye istoricheskom razvitii* [Ancient Mythology in its Historical Development]. Moscow.
- Lotman, Yu.M. 1988: Dekabrist v povsednevnoy zhizni [Decembrist in Everyday Life]. In: Yu.M. Lotman (red.), *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlya uchitelya*. [In the School of a Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol: A Book for the Teacher]. Moscow, 158–205.
- Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia] 1997: v 2. t. Т. 1. Moscow.
- Pindar. Vakhrlid 1980: *Ody. Fragmenty* [Odes. Fragments]. Moscow.

- Pushkin, A.S. 1974: K studentam [To students]. In: *Sobr. soch.* [Collected Works]: v 10 t. T. 1. Moscow, 308–310.
- Pushkin, A.S. 1975: Evgeniy Onegin [Evgeniy Onegin]. In: *Sobr. soch.* [Collected Works]: v 10 t. T. 4. Moscow, 7–182
- Raevskiy, V.F. 1952: Poslanie G.S. Baten'kovu [The Letter of G.S. Batenkov]. In: V.F. Raevskiy (red.), *Stihotvoreniya* [Poems]. Leningrad, 104–05.
- Raevskiy, V.F. 1967: Pervaya redakciya. Poslanie Baten'kovu [First Edition. The Letter of G.S. Batenkov]. In: V.F. Raevskiy (red.), *Polnoe sobranie Stihotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow–Leningrad, 191–192.
- Туупа, V.I. 2009: Sibirskiy intertekst russkoy literatury [Siberian Intertext of Russian Literature]. In: V.I. Туупа (red.), *Analiz hrudozhestvennogo teksta* [Analysis of Literary Text]. Moscow, 254–263.
- Shtern, M.S. 2005: Tekst provincial'nogo goroda v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Text Provincial City in the Creation of F.M. Dostoevsky]. In: M.S. Shtern, T.I. Podkorytova (red.), *Kul'turologicheskie aspekty analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Cultural Aspects of Literature Analysis: a Textbook]. Omsk, 78–91.
- Vergiliy 1994: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Saint-Peterburg.
- Zhukovskiy, V.A. 1980: *Sochineniya* [Compositions]: v 3 t. T. 1. Moscow.

THE MYTH OF “HYPERBOREAN” SIBERIA AND THE IMAGE OF
SIBERIAN READER IN RUSSIAN LITERATURE OF THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY

Nadezhda B. Prodanik

Omsk State Pedagogical University, Russia,
omsk.nadezhda@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the genesis and filiation of the myth of Siberia “Hyperborean” in the poetry of Vladimir Rayevsky and correspondence of Gavriil Baten'kov. The provenance of the myth about Hyperborea is found in ancient mythology and literature – in the lyrics of Pindarus and Vergillius: poets recreate two dissimilar myths about the blessed, happy, summer Hyperborean land (Pindarus) and the harsh, cruel, winter Hyperborea (Vergillius). Anthological imagery is inherited by Russian poets – V.A. Zhukovskiy, A.S. Pushkin at the beginning of the 19th century, the life of the poet in Russia is filled with light, happiness, Apollonian delights.

Poets-Дыесембристы combined the Ancient Greek and Roman versions of the Hyperborean myth: the distinctive features of the Siberian space are the home peace; the happy remoteness of Siberia from capital political battles; healthy and severe climate. Siberians were known Apollonian delights: creativity and reading. The circle of reading is wide enough: here we find texts of very different subjects and languages – literature, science and philosophy and religious; texts in Russian, English, French and German.

After the December uprising mythopoethic idyll was interrupted. Siberia became a place of exile and prison for the nobility. Read was only intellectual pleasure, and the book – a true friend.

Key words: ancient mythology, ancient literature, Russian poetry of the Golden Age, Russian culture in the beginning of the 19th century, the myth of Siberia “Hyperborean”, Siberian reading, creativity V.F. Rajewski, correspondence G.S. Baten'kov